

СЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МОТИВА БРАКА ГЕРОЯ И ЛЯГУШКИ В ФОЛЬКЛОРЕ ОСЕТИН

Ф.М. Таказов

В статье анализируется семантика сожжения шкуры лягушки в фольклоре осетин. Мотив брака героя и лягушки, сожжение героем лягушачьей шкуры широко распространены в фольклоре многих народов. Проведенный сравнительный анализ типологических сюжетов позволил выявить архетип лягушки в сказках и мифах. Анализ архетипа лягушки в мировом фольклоре позволяет понять, как этот образ воспринимается и интерпретируется разными культурами, а также дает возможность определить общие черты и различия в его символике. В различных культурах лягушка связана с плодородием и дождем. Одним из примеров является обряд вызывания дождя у осетин, во время которого изготавливали чучело женщины, которое часто заменяли живой лягушкой, привязанной к подушке. Лягушку наряжали в костюм с серебряными и золотыми вышивками, а затем бросали в реку после танцев и молитв о дожде. Метаморфозы девушки-лягушки во всех национальных вариантах имеют типологическое сходство. Развитие фабулы сюжета подчинено концептуальной составляющей инициационных процессов. Сжигание шкуры девушки-лягушки символизирует ее символическую смерть. Исчезновение девушки после сожжения лягушачьей шкуры связано с необходимостью окончательно утвердиться в новом статусе. Кроме того, сожжение шкуры героем отражает нарушение с его стороны запрета, с которого и начинается путь иницианта.

Ключевые слова: осетинский фольклор, нартовский эпос, инициации, сказка, миф, царевна-лягушка, сожженная шкура.

Для цитирования: Таказов Ф.М. Семиотический анализ и интерпретация мотива брака героя и лягушки в фольклоре осетин // Известия СОИГСИ. 2023. Вып. 50 (89). С.120-128. DOI: 10.46698/VNC.2023.89.50.008

Лягушка – существо, которое занимает особое место в мировом фольклоре и мифологии. Несмотря на свою обыденность в реальном мире, лягушка приобретает символическое значение в различных культурах и традициях. Анализ архетипа лягушки в мировом фольклоре позволяет понять, как этот образ воспринимается и интерпретируется разными культурами, а также выявить общие черты и различия в его символике.

Лягушка является амфибией, способной существовать как на суше, так и в воде. Эта особенность придает лягуш-

ке двойственное символическое значение. В разных культурах она может быть символом следующих аспектов:

– перехода и преобразования: во многих культурах лягушка ассоциируется с преодолением препятствий и изменениями в жизни. Ее жизненный цикл, включая метаморфозу от головастиков до лягушек, может служить символом перемены и возрождения;

– плодородия: в некоторых культурах лягушка связывается с плодородием и ростом. Ее кваканье, ассоциируемое с дождем, может быть символом обильного урожая;

– магии и трансформации: в магических традициях лягушка может представлять собой символ трансформации, способности к метаморфозе и сверхъестественным изменениям.

В древнем Египте лягушка была символом жизни и возрождения. Она ассоциировалась с богиней Хекет, защитницей беременных женщин и аспектом богини Исиды [1, 106-108]. В китайской мифологии лягушка часто ассоциируется с богатством и процветанием. Изображение трехногой лягушки с монетой во рту считается символом финансовой удачи [2]. В японской культуре лягушка связана с богатством и процветанием, а также с амулетами для безопасных путешествий [3]. В африканских культурах лягушка может быть символом мудрости, а также иметь связь с ритуалами и магией. У северных народов лягушка выполняет функции оберега, хранителя семейных ценностей, защитницы от всего злого и недоброго [4].

В народных представлениях восточных славян все лягушки – обращенные люди [5]. Согласно бытовавшим в Нижегородской губернии легендам, первая лягушка – душа младенца, которого прокляла мать [6].

В фольклоре народов Дагестана лягушка представляется зооморфным проявлением покровительницы и хранительницы домашнего очага [7]. Зооморфный образ – это наделение персонажа чертами животного. Зооморфные образы позволяют выделить специфические черты внешности персонажей, особенности их поведения, интеллектуальные и нравственные качества. Зооморфные образы являются

коннотативными и служат для оценки персонажа.

В большинстве культурных традиций мира лягушка связана с культом плодородия, водой и дождем. Как отмечает В.Н. Топоров, «в различных мифопоэтических системах функции лягушки как положительные (связь с плодородием, производительной силой, возрождением), так и отрицательные (связь с хтоническим миром, мором, болезнью, смертью), определяются, прежде всего, ее связью с водой, в частности с дождем» [8, 84].

Связь с культом плодородия и водной стихией наглядно демонстрирует существовавший у осетин обряд вызывания дождя, описанный М.С. Тугановым.

Когда наступала засуха и долгое время не шел дождь, в селе организовывали шествие по селу для сбора продуктов (из которых затем готовили праздничное угощение), припевая: «Хæндзæ-гуассæ уарун уарзуй!» – «Хандза-гуасса дождь любит!».

Хандза-гуасса называли чучело в образе женщины. Иногда чучело заменяли лягушкой. Поймав лягушку, одевали ее в пошитый по ее размеру национальный костюм с серебряными и золотыми вышивками, пришивали к подушке, и в таком виде с танцами и пением моления о дожде (а если непрерывно шли дожди, то просили солнце) шли к реке и бросали ее в воду. Танец женщин, по описанию М. Туганова, на этом празднике резко отличался от обычного танца: «Выходила пара танцующих, остальные окружали их, пели, хлопали в ладоши. Танцующие, засучив полы, сначала делали круг как

в зилга кафе (круговом танце. – Ф.Т.), затем делали движение как в хонга кафе (танец-приглашение. – Ф.Т.) и, наконец, заканчивали танцем на носках. При этом движения женщин были совершенно свободными и никак нельзя было сказать, что они подражали в чем-либо мужчинам, как это делается теперь, когда танцующая за отсутствием мужчины старается дать нарочито мужской танец» [9, 75-76].

Архетип образа лягушки представляет собой богатый и многогранный символ, олицетворяющий природу, перемену и плодородие. И тот факт в обрядовой культуре осетин, когда куклу или чучело в женском одеянии замещают лягушкой, не оставляет сомнений в тесной связи женщины с символикой нижнего мира, откуда, согласно осетинским религиозно-мифологическим воззрениям, рождается все благое на земле.

Потому мотив женитьбы героя на лягушке воспроизводит инициационный обряд перехода девушки в статус жены, что подтверждается теми заданиями, которые, как правило, должны выполнить жены трех братьев. Однако с задачей справляется именно девушка-лягушка.

В сказке «Лягушачья шкура» у сурогов было три похожих друг на друга сына. Когда пришло время женить их, отец наказал каждому из них пустить стрелу, и оттуда, куда упадет стрела, они и должны были взять себе жену.

Стрелы двух старших братьев упали в селение, оттуда и привели себе жен. Стрела младшего упала на вершине горы, откуда за ним увязалась лягушка. На следующий день братья ушли на ра-

боту. Лягушка превратилась в девушку, прибралась в комнате, приготовила обед и снова превратилась в лягушку. Так продолжалось долгое время, пока удивленный такими метаморфозами в его комнате младший брат не подсмотрел, кто ж все это проделывает. Как же обрадовался он, когда увидел в сбросившей лягушачью шкуру красавицу жену [10, 96-97].

В нартовском эпосе осетин имеется около 25 вариантов женитьбы нарта Хамица на лягушке. Основная фабула всех вариантов сводится к тому, что Хамиц во время охоты знакомится с неким героем, чья удасть поражает его и, разузнав какого он рода-племени, просит руки его сестры. После получения согласия выясняется, что его женой стала лягушка [11, 3-38].

Девушка-лягушка, на которой женился Хамиц, в различных вариантах происходит из разных родов – Псалта, Бцента, Бецента, Камбадата, Татарата, что говорит о незначимости в мотиве женитьбы героя на лягушке определенного рода.

Независимо от культурной принадлежности сюжета с мотивом женитьбы героя на лягушке у всех народов он выстроен по единой схеме: по требованию отца трое сыновей пускают три стрелы; двое братьев женятся на обычных девушках, младший брат женится на лягушке; лягушка по ночам (или в отсутствие муж) сбрасывает свою шкуру и выполняет различные задания, которые дает братьям их отец; младший брат, узнав о метаморфозах жены-лягушки, бросает лягушачью шкуру в огонь; после сожжения жена не может остаться с мужем; мужу при-

ходится выполнять сложные задания, чтобы вернуть свою жену; сюжет заканчивается благополучным счастливым воссоединением мужа и жены.

Так, в абхазской сказке «Женитьба трех братьев» трое братьев, решившись жениться, стали стрелять в дерево. К их удивлению, после выстрелов первых двух братьев из дерева вышли красавицы-девицы и стали рядом со старшими братьями. Младший брат, думая, что и к нему выйдет такая же красавица, выстрелил в дерево, однако оттуда выпрыгнула лягушка и села рядом с ним. Опечаленный брат вернулся домой с лягушкой. Родители велели ему покинуть дом. Тот решил построить себе небольшую плетенку-пацху и пошел нарубить прутья. Когда же вернулся, обнаружил, что все необходимое для постройки пацхи уже готово. Каждый раз, когда он уходил, по возвращении оказывалось, что в доме все прибрано, приготовлен обед. Он стал подозревать, что все это проделывает лягушка и пожелал узнать, что же это за существо. Лягушка вынуждена была сбросить свою кожу. Увидев красавицу, младший брат схватил лягушачью кожу и бросил ее в костер. Князь, узнав про красавицу, решил погубить младшего брата и стал давать ему невыполнимые задания. Однако он прошел все испытания с помощью жены, и князь вынужден был признать его превосходство [12, 348-353].

Стрела младшего брата в аварской сказке «Царевна-лягушка» падает в болото. Он берет в жены лягушку. Хан выгоняет его. Тот живет в лесной хижине с лягушкой. Увидев, как лягушка превратилась в красавицу, он сжигает

ее шкуру. Братья, чтоб погубить его из зависти, подговаривают отца дать младшему брату невыполнимые задания. Он справляется со всеми заданиями, а отец с двумя братьями превращаются в собак [13, 247-253].

В грузинской сказке «Лягушка-невеста» стрела младшего сына царя также падает в болото. Царь не отступает от своего слова и женит сына на лягушке. Через год младший сын, увидев, как лягушка скинула свою шкуру и превратилась в красавицу, бросает ее кожу в огонь. Царь дает младшему сыну различные поручения, которые простому смертному невозможно выполнить. По совету жены он преодолевает все трудности, а злой царь сгорает в пламени [14, 394-401].

В русской сказке «Царевна-лягушка» стрела младшего сына царя, Ивана-царевича, также падает в болото. Иван-царевич поплакал, но вынужден был взять в жены лягушку. Со всеми поручениями царя невесткам лучше всех справлялась царевна-лягушка, однако Иван-царевич не ведал о преобразованиях своей жены до тех пор, пока царь не возжелал узнать, которая из невесток лучше пляшет. Лягушка вынуждена была сбросить свою кожу, чтоб пойти с мужем танцевать. Иван-царевич, как только закончили танцевать, прибежал домой и сжег лягушачью кожу. Царевна-лягушка вынуждена была исчезнуть, наказав Ивану-царевичу, чтоб тот искал ее за тридевять земель. После долгих испытаний Иван-царевич возвращает свою жену [15, 329-337].

Во всех национальных вариантах сказок девушка-лягушка предупреждает своего мужа, чтобы он не трогал и не

сжигал ее лягушачью кожу. Однако ни в одном из вариантов муж к предостережению жены не прислушался, в результате чего теряет свою красавицу-жену.

Герой осетинской сказки также не послушался предупреждения своей жены-лягушки и сжег ее кожу. После этого алдар (князь) узнал про красоту его жены и решил его известить: поручил молодому человеку воздвигнуть вокруг него золотой дворец, иначе заберет у него его жену. С помощью жены он справляется с заданием. Но последовали другие поручения, одно труднее другого, с которыми он благополучно справляется благодаря жене [10, 96-101].

Несколько иначе завершается сюжет эпического текста женитьбы нарта Хамица на лягушке. Нарт Хамиц, зная, что его жена-лягушка не может жить при дневном свете без своей лягушачьей шкуры, принес ее с собой на нартовский пир в рукаве своего тулупа. Нарт Сирдон узнал, что в рукаве у Хамица, и упрекнул нартов, что их молодежь стала приходить на пир со своими женами. Вернувшись домой, Хамиц развел огонь в очаге и, когда жена легла спать, сжег ее лягушачью шкуру в огне. Утром, обнаружив свою шкуру, жена объявила Хамицу, что она не может остаться. Напоследок она дунула в спину Хамица и ее беременность перешла в спину Хамица. От нарыва в спине Хамица и родился нартовский герой Батраз [11, 35].

Семантику мотива брака героя с лягушкой Т.П. Карпухина и Е.В. Цюпко рассматривают как ритуально-мифологический генезис, считая, что брак носит не внутриплеменной, а экзогамный характер, полностью соответствуя

мифологическому ритуалу инициации мужчины [16, 66].

Однако тезис о соответствии мифологическому ритуалу инициации мужчины отвергает осетинская сказка «Три товарища». Из трех товарищей двоих уносит разлившаяся ночью вода. Оставшийся в живых товарищ добирается до одного села, в котором его приглашают в гости. Когда ему как гостю накрыли стол, он обратил внимание на молодую женщину, стоявшую лицом к стенке. Через некоторое время из щели в стенке вылезла лягушка, подпрыгнула к огню и, подставив свою грудь, стала греться у огня. Гость, извинившись, спросил, почему девушка стоит лицом к стенке. Хозяин дома рассказал ему, что за морем у него был друг, с которым пообещали друг другу: если у одного родится девочка, а у другого – мальчик, то девочка должна будет отдана за сына другого. У друга родилась девочка, которая стоит у стенки, у него же родилась лягушка. Вот девушка эта и стоит в качестве жены лягушки.

Гость, услышав рассказ, произнес: «Она-то женщина, а женщина дом рушит, а этот (указав на лягушку) – мужчина, содержащий дом».

После этих слов кожа лягушки стала трескаться, и лягушка превратилась в златокудрого молодого красавца [17, 226].

От этих двух вариантов мотива брака герой + лягушка, героиня + лягушка вытекает, что в первом случае имеем дело (вопреки Т.П. Карпухиной, Е.В. Цюпко) с женской инициацией, во втором случае – с мужской инициацией.

Мотив брака героя и лягушки К.Н. Галай и А.В. Жучкова представ-

ляют как метафору взаимоотношений между мужчиной и женщиной, считая, что большинство сказок о лягушках – это урок для мужчин, которые не должны быть расчетливыми, рациональными и эгоистичными в любви [18].

Миф рационален, он не ставит перед собой задачу отражения абстрактных индивидуальных психологических проявлений героев. Любой миф включает в себя архетипические образы, проявляемые зачастую через ряд символов. В сказках и мифах о девушке-лягушке мы имеем архетип нижнего мира. Нижний мир порождает все благое, животворящее на земле, безусловно, при участии верхнего мира. Потому вода символизирует нижний мир. Так как именно женщина дает новую жизнь, то и она символизирует нижний мир. И лягушка, связанная с водной стихией, становится антропоморфной заменой женщины, как в обрядах (описанных М. Тугановым), так и в сказках и мифах.

Вопрос, в чем семантика превращений девушки в лягушку и обратно, заключается в мифологическом ритуале инициаций: девушка-лягушка приобретает статус полноценной жены после того, как она избавляется от лягушачьей кожи. Находясь в шкуре лягушки, она выполняет поручения отца/царя/хана, превосходя в качестве работы жен двух старших братьев. Но она не просто должна избавиться от лягушачьей шкуры, а ее должен сжечь муж, который таким поступком манифестирует новый статус своей жены. С другой стороны, сжигание шкуры лягушки, по законам инициаций, отражает символическую смерть.

Почему же после сжигания шкуры девушка исчезает?

В данном случае мы имеем две причины:

– во-первых, чтобы окончательно приобрести новый статус жены, она должна исчезнуть;

– во-вторых, в сюжете брака героя с лягушкой мы имеем не только женскую инициацию, но и мужскую. После того как девушка остается без лягушачьей кожи и исчезает, со стороны «мужа» происходит нарушение запрета: несмотря на предупреждение не трогать и не сжигать шкуру, он бросает ее в огонь.

Необходимо помнить, что инициация начинается именно с нарушения запрета инициантом. После нарушения запрета настает очередь героя доказать свою состоятельность как мужа, пройдя через множество испытаний.

Из этого ряда выпадает нарт Хамиц, который не отправляется на поиски своей жены. Однако испытания, которые проходят другие герои, заключены в опухоли на его спине.

Таким образом, подводя итоги сравнительно-сопоставительному исследованию волшебных сказок и нартовского эпоса осетин, важно отметить следующее: анализ выявил как сходные, так и различные черты рассмотренных сказок. Сходные, инвариантные черты проанализированных волшебных сказок коренятся в архаическом мифологическом ритуале инициации, задающем общий сюжетный мотив. Специфические черты определяются национально-культурным своеобразием народов, обеспечивающим вариативный характер развертывания общего сюжетного мотива.

1. *Cooper J.C.* Symbolic and Mythological Animals. London: Thorsons, 1992. 267 p.
2. *Legge J.* The Sacred Books of China: The Texts of Taoism // The Sacred Books of the East Series. Ed. by Max Müller. Oxford: Oxford University Press, 1927. Vol. 40. 435 p.
3. *Ishikawa D.* Kapp World. Tokyo: Jiji Press, 1985. Pp. 129-131.
4. *Карчина В.В.* Образ лягушки в хантыйских сказках (на примере сказки «Небесного отца младший сын») // Конструктивный потенциал современных гуманитарных и социально-экономических наук: проблемы наращивания и реализации: Сб. науч. пр. по мат. Международной научно-практической конференции 24 июня 2020 г. / Под ред. Е.П. Ткачевой. Белгород: АПНИ, 2020. С. 26-30.
5. *Иваницкий Н.А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии. М.: Тип. А. Левенсон и К, 1890. 121 с.
6. *Миловидов Ф.Ф.* Жаба и лягушка в народном мирозерцании, преимущественно малорусском // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков: Тип. «Печ. Дело», 1913. Т. 19. С. 358-400.
7. *Сефербеков Р.И.* Традиционные религиозные представления табасаранцев. Махачкала: ДНЦ РАН, 2000. 60 с.
8. *Топоров В.Н.* Лягушка // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х тт. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. 2. С. 84-85.
9. *Гиреев Д.А., Туганов Э.М.* Туганов Махарбек. Литературное наследие. Орджоникидзе: Ир, 1977. 234 с.
10. Осетинские сказки. Сталинир: ХИПР, 1956. 310 с.
11. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа / Сост. Т.А. Хамицаева. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2005. Кн. 3. 712 с. (на осет. яз.).
12. Абхазские сказки / Сост. Х.С. Бгажба. Сухуми: Алашара, 1985. 510 с.
13. Аварские сказки / Сост. и пер. М. Саидова и У. Далгат. М.: Художественная литература, 1965. 327 с.
14. Грузинские народные сказки. Сто сказок / Сост. Н.И. Долидзе. Тбилиси: Мерани, 1971. 705 с.
15. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в трех томах / Подготовка текста, предисл. и прим. В.Я. Проппа. М.: Художественная литература, 1957. Т. 2. 509 с.
16. *Карпухина Т.П., Цюпко Е.В.* Архаические корни волшебной сказки (на примере русской сказки «Царевна-лягушка» и шотландской сказки «Жена-тюлениха») // Язык и культура: вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Хабаровск: Тихоокеанский гос. ун-т, 2018. С. 62-70.
17. Осетинские новеллистические сказки / Сост. Т.А. Хамицаева. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. Кн. 1. 340 с.
18. *Галай К.Н., Жучкова А.В.* О типологической классификации и символическом значении антропоморфных образов принца-лягушки и царевны-лягушки // Мир русского слова. 2014. № 4. С. 50-55.

Takazov, Fedar M. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); fedar@mail.ru

SEMIOTIC ANALYSIS AND INTERPRETATION OF THE MOTIF OF THE MARRIAGE OF A HERO AND A FROG IN OSSETIAN FOLKLORE.

Keywords: *Ossetian folklore, Narts epic, initiations, fairy tale, myth, frog princess, burnt skin.*

The article analyzes the semantics of burning a frog skin in Ossetian folklore. The motive of the marriage of the hero and the frog, the burning of the frog skin by the hero, is widespread in the folklore of many peoples. The comparative analysis of typological plots made it possible to identify the archetype of the frog in fairy tales and myths. The analysis of the frog archetype in world folklore makes it possible to understand how this image is perceived and interpreted by different cultures, and makes it possible to identify common features and differences in its symbolism. In various cultures, the frog is associated with fertility and rain. One example is the Ossetian rain-making ritual, during which a stuffed woman was made, which was often replaced by a live frog tied to a pillow. The frog was dressed up in a costume with silver and gold embroidery, and then thrown into the river after dancing and praying for rain. The metamorphoses of the frog girl in all national variants have typological similarities. The development of the plot is subordinated to the conceptual component of the initiation processes. The burning of the frog girl's skin symbolizes her symbolic death. The disappearance of the girl after the burning of the frog skin is connected with the need to finally acquire a new status. In addition, the burning of the skin by the hero reflects a violation on his part of the prohibition, from which the path of the initiator begins.

For citation: Takazov, F.M. *Semiotic analysis and interpretation of the motif of the marriage of a hero and a frog in Ossetian folklore* // *Izvestiya SOIGSI*. 2023. Iss. 50 (89). Pp. . (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2023.89.50.008

References

1. Cooper J.C. *Symbolic and Mythological Animals*. London, Thorsons, 1992. 267 p.
2. Legge, J. *The Sacred Books of China: The Texts of Taoism*. Sacred Books of the East Series. Ed. by Max Müller. Oxford, Oxford University Press, 1927, vol. 40. 435 p.
3. Ishikawa, D. *Kapp World*. Tokyo, Jiji Press, 1985, pp. 129-131.
4. Karchina, V.V. *Obraz lyagushki v khantyiskikh skazkakh (na primere skazki "Nebesnogo ottsa mladshii syn")* [The image of a frog in Khanty fairy tales (using the example of the fairy tale "Heavenly Father's youngest son")]. *Konstruktivnyi potentsial sovremennykh gumanitarnykh i social'no-ekonomicheskikh nauk: problemy narashchivaniya i realizatsii: sb. nauch. trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 24 iyunya 2020 g.* [The constructive potential of modern humanities and socio-economic sciences: problems of building and implementation: Proceedings of the International scientific and practical conference on June 24, 2020]. Belgorod, APNI, 2020, pp. 26-30.
5. Ivanitsky, N.A. *Materialy po etnografii Vologodskoi gubernii* [Materials on ethnography of Vologda province]. Moscow, Tip. A. Levenson i K, 1890. 121 p.
6. Milovidov, F.F. *Zhaba i lyagushka v narodnom mirosozertsanii, preimushchestvenno*

malorusskom [Toad and frog in the national worldview, mainly Little Russian]. *Sbornik Khar'kovskogo istoriko-filologicheskogo obshchestva* [Collection of the Kharkov Historical and Philological Society]. Kharkov, Tip. "Pech. Delo", 1913, vol. 19, pp. 358-400.

7. Seferbekov, R.I. *Traditsionnye religioznye predstavleniya tabasarantsev* [Traditional religious beliefs of the Tabasarans]. Makhachkala, Dagestan Scientific Centre of RAS, 2000. 60 p.

8. Toporov, V.N. *Lyagushka* [Frog]. *Mify narodov mira. Entsiklopediya v 2-kh tt.* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia in 2 vols.]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1988, vol. 2, pp. 84-85.

9. Gireev, D.A., Tuganov, E.M. *Tuganov Makharbek. Literaturnoe nasledie* [Tuganov Makharbek. Literary heritage]. Ordzhonikidze, Ir, 1977. 234 p.

10. *Osetinskie skazki* [Ossetian fairy tales]. Stalinir, HIPR, 1956. 310 p.

11. Khamitsaeva, T.A. (comp.). *Nartovskie skazaniya. Epos osetinskogo naroda* [Narts legends. The epic of the Ossetian people]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2005, book 3. 712 p. (in Ossetian).

12. Bgazhba, Kh.S. (comp.). *Abkhazskie skazki* [Abkhazian fairy tales]. Sukhumi, Alashara, 1985. 510 p.

13. Saidov, M., Dalgat, U. (comp. and transl.). *Avarskie skazki* [Avar fairy tales]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1965. 327 p.

14. Dolidze, N.I. (comp.). *Gruzinskie narodnye skazki. Sto skazok* [Georgian folk tales. A hundred fairy tales]. Tbilisi, Merani, 1971. 705 p.

15. Propp, V.Ya. (ed.). *Narodnye russkie skazki A.N. Afanas'eva v trekh tomakh* [Russian folk tales, collected by A.N. Afanasyev. In three volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1957, vol 2. 510 p.

16. Karpukhina, T.P., Tsyupko, E.V. *Arkhaicheskie korni volshebnoi skazki (na primere russkoi skazki "Tsarevna-lyagushka" i shotlandskoi skazki "Zhena-tyulenikha")* [The archaic roots of a fairy tale (using the example of the Russian fairy tale "The Frog Princess" and the Scottish fairy tale "Wife the Seal"). *Yazyk i kul'tura: voprosy sovremennoi filologii i metodiki obucheniya yazykam v vuze. Materialy V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Language and culture: issues of modern philology and methods of teaching languages at the university. Proceedings of the 5th All-Russian scientific and practical conference with international participation.]. Khabarovsk, 2018, Pacific State University, pp. 62-70.

17. Khamitsaeva, T.A. (comp.). *Osetinskie novellisticheskie skazki* [Ossetian short story tales]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2010, book 1. 340 p.

18. Galaj, K.N., Zhuchkova, A.V. *O tipologicheskoi klassifikatsii i simvolicheskom znachenii antropomorfnykh obrazov printsa-lyagushki i tsarevny-lyagushki* [On the typological classification and symbolic meaning of the anthropomorphic images of the prince frog and the princess frog]. *Mir russkogo slova* [The world of the Russian word]. 2014, no. 4, pp. 50-55.